

Начало

Ты ищи, где бывает начало
у реки, кинофильмов, мечты,
как вкладывание в пододеяльник одеяла,
так крадётся заря сквозь кусты.

Ты ищи, где заря начиналась,
шла откуда, в руках поддержи,
с кем так долго в заливах шепталась,
расспроси, ну, её расспроси.

Ты ищи, где бываешь собою,
где ветра всё в туман обнесли,
и где правят покорно судьбою
арифметика птиц и любви.

Ты ищи, что найти невозможно
этот свет, этот цвет изнутри,
и в туманах ночных придорожных
ты пойми, нет его на пути.

Но оно над тобой пронесется,

не успеешь взглянуть из окна-
то ли свет над тобой вознесётся,
то ли небо деревьев коснётся,
то ли в лоб просто вломится тьма.

Годы

Я глотаю гортанные годы,
что стоят у околиц в напор,
это околоплодные воды,
из которых ползу до сих пор,

а где ждут меня, там не дождутся,
я такое себе загадал,
так лишь тучи к ночам ночью жмутся,
по которым и я зашагал.

Как узнать, что за временем завтра.
Оглянуться - и то не посмел,
и как дерево осенью, замкнут,
шёл я, шёл, но опять не успел.

Слышишь, кто-то далёко стучится,
звуки давит безумные ртом,
на душе оно раньше случится.
Но объявится только потом.

Стекло

Я занозу зубами из руки выдираю,
так бы знать, из чего наша жизнь состоит,
и из этих частей я опять выбираю
из окошка в зарю затуманенный вид.

Так бы знать, тогда можно наверно не верить,
только родинку ночью вдруг вспомнить твою,

полететь, побежать сквозь закрытые двери,
я так делал уже, и опять побегу.

Только это никто никогда не узнает,
ну куда же, куда улетело тепло? -
Просто снег по ночам до зимы долетает,
в городах разбиваясь о жизнь, о стекло.

Окошко

Был из крепкого я теста,
у костра верхонки грел
и законно койко-место
в общежитии имел.

Понимал я силу ласки-
ребятишек угощал,
и в своих рассказах краски
меньше нужного сгущал.

Я привык ко всем заботам,
было больно - не орал.
В выходные по субботам
на окошке загорал.

Снились нам миры иные,
героини разных драм,
комендантши молодые
улыбались по утрам.

А Земля вовсю крутилась,
дуло с неба холодком,
и в реке лесной светилось
солнце с рыжим ободком.

Там

Там на стволах висят шмели,
и ветви ждут судьбы устало,
как будто невзначай ввели
деревьям крепостное право.

И пар главенствует в избе,
и под сплошное одобренье,
он мирно трудится в трубе
у парового отопленья.

А дверь из верхнего угла
клубы холодные роняла,
для сохранения тепла
над ней прибили одеяло.

И что необходимо знать,-
пусть у зари сочится рана,
и никуда не опоздать,
...а просто никуда не надо.

Дома

Дома в сугробах тёмных тонут,
и, разбивая сладость снов,
в оградах проволоки стонут
с цепями осторожных псов.

Бытует быль и небылица,
и настоятельно в обед
даётся мёрзлая кислица
к столу уже две сотни лет.

Там, погружённая в мечтанья,
спит глухомань на тыщи вёрст,

и есть местечко для свиданий
в окне толпе бессонных звёзд.

Там жнёт народ, и ладит сани,
и песни долгие поёт,
неторопливыми мечтами
путь пролагает он вперёд.

Живи у них. Учись годами,
как на болотах сеять рожь,
лишь ребятишкам - городами-
ты душу лучше не тревожь.

В дорогах дальних

Что-то память, как жесткий провод,
жить сначала, секунды тратя,
только как начинать мне снова,
по судьбе, по мольбе, тетради?

А я веток насобираю
их поставлю в дырявый чайник,
что ещё, я толком не знаю,
как там людям-в дорогах дальних?

Как живется в раскатах грома?
Поезд если, - на полке нижней,
а Держава, она огромна,
она больше железной жизни.

Вьются реки, как киноленты,
они землю собою режут,
осень бросит в них листья-конверты,
как зубной оставляя скрежет.

И я всё разузнал за вечер,
чай из чаги чернее ночи,

да ещё этот северный ветер
паклю с брёвен кромсает в ключья.

В поле

Вдали у неба небосклон поскрипывал,
и по деревьям ветер гарцевал,
цеплялись мысли к чувствам, как
постскриптумы
к тому, о чём я так переживал.

От центра мира чуточку смещенная
вся дрожь руки была тобой видна,
и в банку из-под молока сгущенного
срывалась с окон рваная вода.

И я спросил тихонечко у Родины:
- Что это шепчет в поле лебеда?
Страницы по учебникам все пройдены,
а дальше по дороге хоть куда.

И что ещё там будет, что нам велено?
И коршун будет в небе пить просить.
И душу разорвут туманы медленно,
и не понять нам это, так простить.